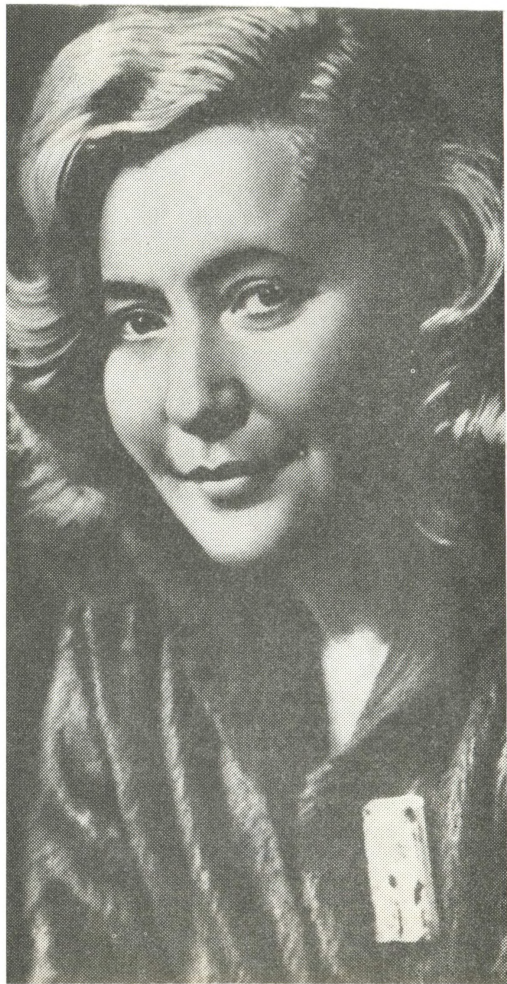

**ЮЛИЯ
ДРУНИНА
БАБЬЕ ЛЕТО**

**ЮЛИЯ
ДРУНИНА
БАБЬЕ ЛЕТО**

НОВЫЕ СТИХИ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1980

Для новой книги стихов Юлии Друниной характерно сочетание лиризма и патетики. Автор смотрит на мир глазами человека, прошедшего войну, глазами фронтовика. Через призму фронтовых воспоминаний и ассоциаций автору яснее и четче видны и жизнь души, и жизнь города, и жизнь природы. Ю. Друнина чувствует себя «связной между теми, кто жив и кто отнят войной». Глубоки по чувству стихи, посвященные памяти поэта-воина Сергея Орлова.

В книге нашли отражение как вечные темы поэзии, так и «сиюминутные» события и факты нашей современности.

Художник
ЕЛЕНА ТРОФИМОВА

© Издательство «Советский писатель», 1980 г.

* * *

Снег намокший сбрасывают с крыши,
Лед летит по трубам, грохоча.
Вновь на Пушкинском бульваре слышу
Песенку картавую грача.

Что еще мне в этом мире надо?
Или, может быть, не лично мне
Вручена высокая награда —
Я живой осталась на войне?

Разве может быть награда выше? —
Много ли вернулось нас назад?..
Это счастье —
Вдруг сквозь сон услышать,
Как капли в дверь Весны стучат!

* * *

Да, я из того поколенья,
Что Гитлер, себе на беду,
Поставить хотел на колени
В лихом сорок первом году.
Кто, голосу Родины внемля,
Шел в дымной грохочущей мгле
И кто за Великую землю
На Малой сражался земле.
Кто стал комсомольцем под Ельней,
Вошел коммунистом в рейхстаг.
...Нас мало, детей поколенья,—
Безжалостен времени шаг.
Но прожиты жизни недаром —
А главное это, друзья!..
Горят фронтовые пожары —
Им в памяти гаснуть нельзя!

В 1941 ГОДУ

Какие удивительные лица
Военкоматы видели тогда!
Текла красавиц юных череда —
Казалось, выпал жребий им родиться
В пуховиках дворянского гнезда.
Казалось, утонченность им столетья
Вложили в поступь,
В жесты,
В легкий стан.
Где взяли эту статью
Рабочих дети
И крепостных праправнучки крестьян?
Все шли и шли они —
Из средней школы,
С филфаков,
Из МЭИ и из МАИ —
Цвет юности,
Элита комсомола,
Тургеневские девушки мои!

* * *

Я порою себя ощущаю связанной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут,
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.

Я — связанная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я — связанная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит».

* * *

И каждый раз, в бреду аэропорта,
Там, где томится иль бежит народ,
Я говорю себе:
— Какого черта
Тебя опять на край земли несет?
Зачем тебе Курилы и Саяны,
Зачем тебе Норильск и Кулунда?
В конце концов, уже немного странно
Так жить в отнюдь не юные года...

Зачем? — Сама не нахожу ответа.
И правда, в самом деле, — на черта?..
А может, просто песенка не спета
И молодость еще не прожита?
Что молодость моя? — Фронт, голодуха,
Потом домашний плен — кастрюлек власть...

Тут репродуктор прохрипел над ухом,
Что на Сургут посадка началась.

* * *

А жизнь летит, летит напропалую,
И я не стану жать на тормоза...
Солоноватый привкус поцелуя,
Любви полузакрытые глаза!
И городов мелькающие лица,
Где каждый новый зал —
Как новый суд...
И гул в крови —
Стихов грядущих гуд,
И невозможность приостановиться,
Покуда жизнь летит напропалую,
Покуда я ей благодарна за
Солоноватый привкус поцелуя,
Любви полузакрытые глаза...

* * *

Вновь чайки провожают сейнера,
Опять страда — осенняя путина.

Лежит у клуба сеть взамен ковра,
Звенит под ухом зуммер комариный.
О, как стихи умеют слушать тут! —
Так не умеют слушать и в столице.
Светлеют, и грустнеют, и цветут
Дубленные соленым ветром лица...

А мы спешим на остров Итуруп,
Покуда там посадку разрешили.
Потом лететь в другой рыбачий клуб
На острове соседнем Кунашире.
Пусть с недосыпу резь в глазах моих,
Пускай усталость навалилась глыбой,
Зато под сердцем бьется новый стих
Уже почти что пойманною рыбой.

Курилы

ПОСЕЛОК СМИРНЫХ

В лесу, на краю дороги,
В лесу, на краю страны,
Задумчивый, юный, строгий
Стоит капитан Смирных.

Змеится дороги лента,
«КамАЗы» в лесхоз спешат.
С гранитного постамента
Не может сойти комбат.

Но помнят доныне сопки
Команду его — «Вперед!»,
Отчаянным и коротким
Был бой за японский дот...

Все той же дороги лента,
И августа синий взгляд.
Лишь сдвинуться с постамента
Не может теперь комбат.

Сквозь строй ветеранов-елок
Он смотрит и смотрит вдаль —
На тихий лесной поселок,
Которому имя дал.

Сахалин

НЕРЕСТ

Сопит медвежонок рядом,
Рысь рыщет невдалеке.
С неистовой силой снаряда
Горбуша
Идет по реке.
Навстречу теченью!
В клочья
Изодраны плавники.
За смертью...
И днем, и ночью.
По острым камням реки.
По острым камням Пороная,
Летящего сквозь тайгу.
Виденье царь-рыбы, знаю,
Забуть уже не смогу.
Погибнут безумцы эти,
Как только закончат путь.
Погибнут затем,
Чтоб детям —
Малькам своим
Жизнь вдохнуть.

Москва, суета сплошная,
Но где-нибудь на бегу
Вдруг вспомню о Поронае,
Петляющем сквозь тайгу.

Как сильно потрянула душу
Земли первозданной твердь
И таинство — ход горбуши,
Что смертью поправа смерть!

Сахалин

ОСЕНЬ

Прозрачными становятся деревья,
Ветшает их изношенный наряд.
Дымками одеваются деревни,
И слюдяные лужицы хрустят.
Засентябрило,
Ах, засентябрило...
А как у вас там,
На краю земли,
У вас —
На Сахалине и Курилах?

...Циклоны в наступление пошли,
Гремят шторма
В заливе Лаперуза,
Валы как небоскребы громоздя.
А на Оху
Спешат машины с грузом,
Рвут вертолеты
Пелену дождя.
Вдоль океана,
Трассою знакомой
(Потом прилив
Сотрет следы колес)
На «козликах»
Секретари райкомов
Торопятся кто в шахту,
Кто в лесхоз.

Спокойно ли
На станции цунами?
Как Тятя ¹ —
Вдруг проснувшийся старик?..

Курилы, Сахалин! —
Следит за вами
Отцовскими глазами материк.

А в Подмосковье
Ежатся деревни,
Слетает их изношенный наряд.
Дымками одеваются деревни,
И слюдяные лужицы хрустят...

¹ Вулкан.

ПАРАМУШИР

До чего ненадежен мир! —
Словно порох
Земля под нами.
Мы — как остров Парамушир,
Что в мгновенье
Был смыт цунами...

Ну, а смутный душевный мир,
Честолюбий больное пламя?..
Мы как остров Парамушир —
Пощади нас,
Страстей цунами!

УРАЛ

Как приветлив ты!
Как суров!
Здесь слились,
Словно хохот с плачем,
Европейская
Бледная кровь
С азиатской —
Густой, горячей.
Потому у детей твоих
Отблеск древних костров
Во взгляде...
Вечерок комариный тих —
Наработался ветер
За день.
Я едва ли
Сюда вернусь,
Хоть вернуться
И обещала...
Отчего же
Такая грусть —
Иль по свету
Носило мало?
Иль давно
Не в новинку мне
Встречи,
Речи
И расставанья?..

Вижу дождик в Перми
Во сне,
А не крымского дня
Сиянье.
И студенческий стройотряд,
И буксующие дороги...

Знать, колдуют,
Зовя назад,
Деревянные пермские боги...

БЕЛЫЕ НОЧИ

Запыхавшийся теплоход
Бороздит терпеливо Каму.
Солнце сутками напролет
В карауле стоит упрямо.
Знала солнце погорячей,
Но скупая дороже ласка...
Белых обморочных ночей
Бередящая душу сказка!
С берегов Берендеев лес
К нам мохнатые тянет руки.
Даже МАЗы на Пермской ГРЭС
Мне о скорой твердят разлуке.
И кричит теплоход в ночи:
«Вам лететь в Москву спозаранку!»
Словно имя сестры звучит
Слово ласковое — «Добрянка».
Позабуду ли Керчев-град —
Плавность барж,
Катеров мельканье?
И как в запани бревна спят,
Крокодильими трясь боками?
И уральских красавиц стать,
И спокойную стать Урала?

Соликамская соль, видать,
Мне сегодня в глаза попала...

СТЕПНОЙ КРЫМ

Есть особая грусть
В этой древней земле —
Там, где маки в пыли,
Словно искры в золе,
И где крокусов синие огоньки
Не боятся еще
Человечьей руки.

Вековая, степная,
Высокая грусть!
Ничего не забыла
Великая Русь.
О, шеломы курганов,
Каски в ржавой пыли! —
Здесь Мама и Гитлера
Орды прошли...

* * *

На улице Десантников живу,
Иду по Партизанской за кизилом.
Пустые гильзы нахожу во рву —
Во рву, что рядом с братскою могилой.

В глухом урочище туман, как дым,
В оврагах расползается упрямо.
Землянок полустертые следы,
Окопов чуть намеченные шрамы.

В костре сырые ветки ворошу,
Сушу насквозь промоченные кеды,
А на закате в городок спешу —
На площадь Мира улицей Победы.

ПУСТЫЕ ПЛЯЖИ

Опять в Крыму предзимнее приволье,
Опять над морем только чаек гам.
Пустые пляжи снова пахнут солью,
А не духами с потом пополам.

Пустые пляжи пахнут вновь озоном...
Напрасно, черный надрывая рот,
В «последнюю экскурсию сезона»
Охрипший рупор «дикарей» зовет.

Пустые пляжи снова пахнут йодом...
Какие там экскурсии, когда
Давно норд-остам полуостров отдан
И рыбаки готовят невода?

Пустые пляжи в ноябре угрюмы.
Оставшись с осенью наедине,
Они уже не отгоняют думы
О вечности, о смерти, о войне.

О том, как падали в песках сыпучих,
У кромки волн, десантные войска...
Пустые пляжи.
Снеговые тучи.
Тревожное мерцанье маяка.

В КАРАБИХЕ У НЕКРАСОВА

Холодный дождь пытался неустанно
Нас разогнать —
Напрасные мечты!
Лишь зонтиками расцвела поляна,
Раскрылись исполинские цветы.

Стихи, стихи!
Самозабвенно слушать
И под дождем
Умеет вас народ.

Нет, никогда моей России душу
Благоразумный Запад не поймет!

В КОРОЛЕВСТВЕ ДАТСКОМ

Под ногами
Асфальта паркетная гладь,
Даже клочья тумана
Стерильны, как вата,—
Чисто, словно в больнице...
По правде сказать,
Было мне в Копенгагене
Чуть скучновато.

Славен датский народ,
Честь и слава ему! —
Моряки, рыбаки,
Ветра храбрые дети...
Что ж не по сердцу мне?
И сама не пойму! —
Может, то,
Что к Русалочке¹
Ходят лишь дети?
И грустит на скале,
Над каналом, одна,
Та бедняга,
В которую я влюблена?
И что Гамлет
Здесь смех вызывает —
Не боль,

¹ Героиня одноименной сказки Андерсена.

Что дворец в Эльсиноре
Лишь приманка туристов?..
Почему же так часто
Кончают с собой
В этой славной стране,
До стерильности чистой?..

ФЛОРЕНТИЙСКИЙ МАЙ

Я сказала плачущей:
— Синьора!
Не могу ли чем-нибудь помочь? —
А она:
— Убили Альдо Моро! —
И ушла, не оглянувшись, прочь.
Мраморные ангелы парили,
Плыли в небо храмов корабли.
Люди шли на площадь Синьории,
По призыву сердца люди шли.
Штор тяжелых опускались веки, —
Магазины слепли, как от слез.
Под ссутулившимся Понте Веккьо
Арно траурные воды нес.
И за Арно полыхали горы,
Вспышки солнца били по глазам.
В тех горах когда-то Альдо Моро
Воевал в отряде партизан.
Потому Флоренцией, влюбленной
В древние соборы и дворцы,
Плыли партизанские знамена,
Шли Сопротивления бойцы.
Рядом с ними — молодые лица,
Изваяла скорбь их, высек гнев.
И шедевры гениев в Уффици
Перед ними сникли, побледнев.

Молча небо ангелы корили,
И, не чуя под собой земли,
Люди шли на площадь Синьории,
Как судьба — неотвратимо — шли.
Шли плечом к плечу, ладонь к ладони.
И сквозь плотную завесу лет
Долго кроткая мадонна Донни
Им молитвенно смотрела вслед...

ДРУГУ

Утраты и обиды есть у всех,
Да вот тебе поболее досталось!
Однако так же твой раскатист смех
И добрых глаз не тронула усталость.

Жизнь многих гнет.
Однако ясно мне —
Таких, как ты,
Не бросить на колени.
Недаром подрастало на войне
Матросова и Зои поколение!

МОРОЗ

Снова тридцать и три с утра,
Лес, как после пожара, черный.
Лишь отстреливается кора
От морозища обреченно.

Хоть укрыл бы деревья снег,
Белой шалью кусты б закутал...
Как же вынес все человек
В сорок первом, зимою лютой?

* * *

Мы вернулись. Зато другие...
Самых лучших взяла война.
Я окопную ностальгией
Безнадежно с тех пор больна.

Потому-то, с отрадой странной,
Я порою, когда одна,
Трону шрам стародавней раны,
Что под кофточкой не видна.

Я до сердца рукой дотронусь,
Я прикрою глаза, и тут
Абажура привычный конус
Вдруг качнется, как парашют.

Вновь засвищут осколки тонко,
Вновь на черном замру снегу...
Вновь прокручивается пленка —
Кадры боя бегут в мозгу.

ВАНЬКА-ВЗВОДНЫЙ

Генералы, штабисты, подвиньтесь,
Чтоб окопники были видны...
Ванька-взводный —
Малюсенький винтик
В исполинской машине войны.

Что бои,
Что окопная мука? —
Он солдат, он привык ко всему.
Лишь к смертям не привык,
Потому как,
Умирая, тянулись к нему.

Все тянулись к нему
За защитой,
Для бойцов Ванька-взводный был бог —
Бог в пилоточке, на ухо сбитой,
В сапогах, отслуживших свой срок.

Что герой, он и сам-то не ведал:
«Мол, воюю, служу, как должбон».
Сделал больше других для Победы,
Был за день до Победы сражен...

Так помянем окопного бога,
Что теперь нам сгодился б в сыны...

Ванька-взводный! —
Малюсенький болтик —
Самый важный в машине войны.

ОТВЛЕКАЮЩИЙ МАНЕВР

Уютным сосняком
Ведет тропинка нас.
Неплохо босиком
Прошлепать бы сейчас.
А если здесь навек
Останемся лежать,
Нагретая хвоя —
Не худшая кровать.
Задача так проста,
Задача так чиста:
Пожертвовать собой
(Всего-то нас полста),
Пожертвовать собой —
Полроты для полка.
Наш полк, покуда бой,
Уйдет наверняка...
Задача так проста,
Задача так чиста.

Припомните о нас —
Полегших здесь полста!

ТРУБА

Плакали девочки, плакали мальчики,
Дуя на красные вспухшие пальчики.
Плачу пурга подпевала уныло —
То не в рождественской сказочке было.
Не появилась там божия милость
И «хэппи энда», увы, не случилось...
Плакали дети, плакали дети
На равенсбрюкском на дымном рассвете.
Ежась, зевая, эсэсовцев взвод
Парами строил послушный черед.
И, равнодушная словно судьба,
Над Равенсбрюком дымила труба...

* * *

Птица Феникс, сказочная птица,
Только обновляется в огне.
Я не птица, все же возродиться
(И не в сказке) довелось и мне.

С чистым вальсом выпускного бала
Тут же слился первой бомбы взрыв...
Ах, меня война ли не сжигала,
В горстку пепла душу превратив?

Только восставала я из пепла,
Кровь стучала в сердце, как прибой,
И душа, пройдя сквозь пламя, крепла
И была опять готова в бой.

ОТПЛЫВАЮЩИЙ ТЕПЛОХОД

Писателю Илье Вергасову —
командиру партизанского соединения,
свидетелю гибели теплохода «Армения»

От ялтинского причала
В далекий круиз идет,
Спокойно и величаво,
Сияющий теплоход.
Пусть зимний норд-ост неистов,
Пусть волны как ядра бьют —
Восторженные туристы
Щебечут в тепле кают.
А в Ялте, на скользком пирсе,
Не чувствуя мокрый снег,
Глазами в корабль впился
Бледнеющий человек.
Не думает он о ветре,
Что в море столкнет вот-вот...
Когда-то в войну с Ай-Петри
Смотрел он на теплоход —
С «Арменией» отплывали
Последние госпиталю.
Их с трепетом и печалью
Большая ждала земля.
А солнце светило ярко —
Будь прокляты те лучи!
Измученные санитарки,
С ног падающие врачи.

Спеленатая бинтами,
Израненная братва...
И «мессеры» — взрывы, пламя...
Беспомощны здесь слова.
Смотрел партизан с Ай-Петри
На тонущий теплоход...

Стоит человек на ветре,
Что в море столкнет вот-вот.
Стоит он на скользком пирсе,
Не чувствуя мокрый снег.
Глазами в корабль впился
Бледнеющий человек...

* * *

Не говорю, что жизнь проходит мимо —
Она и нынче до краев полна.
И все-таки меня неудержимо
Влечет к себе далекая Война.

Опять, упав усталой головою
На лист бумаги в полуночный час,
Припоминаю братство фронтовое,
Зову на помощь, полковчане, вас.

А молодым (и я их понимаю)
Не о войне бы — лучше о любви...
Всему свой срок:
Не в октябре, а в мае
Поют в сердцах и рощах соловьи.

ГЕОЛОГИНЯ

Ветер рвет темно-русую прядку,
Гимнастерка от пыли бела.
Никогда не была ты солдаткой,
Потому что солдатом была.

Не ждала, чтоб тебя защитили,
А хотела сама защищать.
Не желала и слышать о тыле —
Пусть царапнула пуля опять.

...Побелела от времени прядка,
И штормовка от пыли бела.
Снова тяжесть сапог, и палатка,
И ночевка вдали от села.
Снова с первым лучом подниматься,
От усталости падать не раз.

Не жалела себя ты в семнадцать,
Не жалеешь себя и сейчас.

Не сочувствуйте — будет обидой,
Зазвенит в ломком голосе лед,
Скажет: «Лучше ты мне позавидуи!» —
И упругой походкой уйдет.

И, от робости странной немея
(Хоть суров и бесстрастен на вид),
Не за юной красоткой — за нею
Бородатый геолог следит...

«ДЕВОЧКИ»

«Девочки» в зимнем курзале
Жмутся по стенкам одни.
Жаль, что путевки вам дали
В эти ненастные дни!

И далеко кавалеры! —
Им не домчаться до вас...
Тетушка Настя
Тетушку Веру
Просит галантно на вальс.

Возле палаток санбата,
Хмелем Победы пьяны,
Так же кружились
Два юных солдата,
Два ветерана войны.

С Настенькой Вера,
С Верочкой Настя —
Плача, кружились они.
Верилось в счастье,
В близкое счастье —
Жмутся по стенкам одни...

Ах, далеко кавалеры! —
Им не домчаться до вас.

Тетушку Настю
С тетушкой Верой
Кружит безжалостный вальс.

Скроешь ли времени меты?
Молодость только одна...
Кружит подружек не музыка —
Это
Кружит их, кружит Война.

Спят вечным сном кавалеры
Там, где гремели бои...

Старые «девочки» —
Настя и Вера,
Бедные сестры мои!

**ТРИ ПЕСНИ ИЗ КИНОФИЛЬМА
«ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ»**

(Триптих)

ВЕРА

Расходится в сумерках серых
Со смены фабричный народ.
Веселая девушка Вера
С толпою подружек идет.

Смеется, хотя и устала,
Хоть горек смеющийся взгляд,
Пылает цветной полушалок,
Упругие щеки горят.

Нет имени лучше, чем «Вера»,
И это я всем повторю.
Не Вера ли в сумерках серых
Напомнила мне про зарю?

Любое несчастье осилю,
Пробьюсь сквозь пожары и лед —
Мне только бы знать, что в России
Веселая Вера живет.

НАДЕЖДА

**В окопах, землянках, теплушках
Не годы я прожил — века...
Ах, если бы знали, как сушит
Солдатское сердце тоска!**

**От пули спасения нету,
Спасения нет от огня.
Я б, может, не выдержал это —
Надежда хранила меня.**

**Пусть землю бьет крупной дрожью,
Пускай пулеметы стучат —
Надежду убить невозможно,
А значит, бессмертен солдат!**

ЛЮБОВЬ

На запад нас ненависть гонит,
Но даже в смертельном бою
Я чувствую вдруг на погоне,
Любовь моя, руку твою.

Ты вновь мне приснилась сегодня —
Подходишь, платок теребя...
Нет, в прорези мушка не дрогнет —
Ведь я защищаю тебя.

Но только иссякли бы силы
И прочности вышел запас,
Когда бы на родине милой
Не ждали любимые нас...

ШТАБИСТКА

Выплывают опять из тумана
Эти дерзкие брови вразлет,
И улыбка с грустинкою странной,
И форсистых сапожек полет.
И защитное строгое платье,
И углы локотков и колен —
Озорная, с мальчишеской статью,
Все сердца захватившая в плен,
Всех лишившая в штабе покоя...

У моста, там, где бомбы рвались,
Над угрюмой нерусской рекою
Превратилась она в обелиск...

Те штабисты давно уже деды,
Но порой, вспоминая войну,
То один, то другой
В День Победы
Отойдет потихоньку к окну.
И возникнут опять из тумана
Эти дерзкие брови вразлет,
И улыбка с грустинкою странной,
И сапожек беспечный полет...

ГОЛОС ИГОРЯ

Часть войска князя Игоря была конной — дружинники, а другая пешей — смерды, «черные люди».

«Как волков, обложили нас
Половцев рати.
Несть числа им,
Лишь кони дружину спасут.
Ну а пешие смерды?..
Тяжело умирати,
Но неужто мы бросим,
Предадим черный люд?»

Голос Игоря ровен,
Нет в нем срыва и дрожи.
Молча спешили витязи,
Предавать им негоже.

Был в неравном бою
Схвачен раненый Игорь
И порубаны те,
Что уйти бы могли...
Но зато через ночь
Половецкого ига,
Через бездны веков,
Из нездешней дали

До́летел княжий глас:
«Не́легко умира́ти,
Только́ легче́ ли жи́ть
Во преда́телях, бра́тья?»

* * *

Стареют не только
От прожитых лет —
От горьких ошибок,
Безжалостных бед.
Как сердце сжимается,
Сердце болит
От мелких уколов,
Глубоких обид!
Что сердце!
Порою металл устает,
И рушится мост —
За пролетом пролет...

Пусть часто себе я
Давала зарок
Быть выше волнений,
Сильнее тревог.
Сто раз я давала
Бесстрашья обет,
Сто раз отвечало
Мне сердце:
«О нет!
Я так не умею,
Я так не хочу,
Я честной монетой
За все заплачу...»

Когда слишком рано
Уходят во тьму,
Мы в скорби и в гневе твердим:
«Почему?»
А все очень просто —
Металл устает,
И рушится мост —
За пролетом пролет...

ОКТАБРЬ В КРЫМУ

Здесь еще кричат цикады —
Правда робко, правда слабо.
И еще на босу ногу
Надевают тапки бабы.
Виноградники налиты
Золотой упругой кровью.
Рай земной...
А сердце рвется
В дождь и слякоть —
В Подмосковье.
Коршуненок желтоглазый
На меня глядит, как Будда.
Понимает он, что скоро
С той же силой рваться буду
В рай, где все еще цикады
Подают свой голос слабо,
И еще на босу ногу
Надевают тапки бабы.
Где (пускай уже устало)
Все еще пирует лето...

Ах, когда бы разрывало
Сердце надвое лишь это!..

ЗИМА В ПРИБАЛТИКЕ

Надышалась морем, тишиною,
А на сердце черная рука...

Я прекрасно знаю, что́ со мною,
Отчего тоска.

Чаек в плач переходящий хохот —
Сиротливо в Балтике зимой...

Думала, когда разлюбят — плохо;
Нет ужасней разлюбить самой.

* * *

Сядь в траву,
Оглядись, послушай,
Дух полыни вдыхая горький.
В обмелевшем пруду лягушка,
Раздувая, полощет горло.
Тенью ящерка проскользнула,
Шмель летит с реактивным гулом.
Сядь в траву,
Оглядись, послушай,
Полечи синевою душу.

* * *

Как резко день пошел на убыль!
Под осень каждый луч милей...
Грустят серебряные трубы
Прощающихся журавлей.

Как резко жизнь пошла на убыль!
Под осень дорог каждый час...
Я так твои целую губы —
Как будто бы в последний раз...

* * *

Встречи, разлуки,
Солнце и тени,
Горечь полыни,
Сладость сирени —
Все это,
Все это мне!

Как я безмерно, бескрайне
Богата!
И велика ль,
Если вдуматься,
Плата —
Это щемящее чувство заката,
Дума о завтрашнем дне?..

БЕГА

Сходят с круга лошадки —
Эх, одна за другой!
А казалось бы, гладки,
Да и шеи дугой.
А казалось, казалось,
Будто их в оборот
Никакая усталость
Никогда не возьмет...

Гонг командует снова,
Значит, снова скакать,
Чтобы искры подковой
На скаку высекать.
И, на зрелища падкий,
Валом валит народ.
Сходят с круга лошадки —
Чей черед, чей черед?..

ПОВЕСТЬ В ДВУХ ПИСЬМАХ

Он:

Что было, то было срывом...
Я (может быть, на беду)
Не прочерком, а курсивом
По жизни твоей пройду.
Но все же пройду, родная...
И мне нелегко, поверь,
Однако я твердо знаю,
Что должен захлопнуть дверь...
Целую твои ресницы,
Целую в последний раз.
Мне снилась и будет сниться
Прозрачность зеленых глаз.
Прекрасна ты. Я виновен
(Ох, жизнь посложнее книг!),
Что зову души и крови
Поддаться посмел на миг...
Будь умницей, будь счастливой.
Прости и пойми, пойми:
Что было, то было срывом —
Случается так с людьми...

Она:

Как? Я вам посмела сниться?..
Со свистом года летят —
Мне нынче уже за тридцать,
Вам вовсе под пятьдесят.

Конечно, вы не Ромео,
И я не Джульетта, нет!..
Но все-таки не сумела
Забить вас за столько лет.
И даже, как пахли травы
В ту ночь,
Не смогла забыть...
Наверно, вы были правы,
Когда оборвали нить.
Но вы не «прошли курсивом» —
Признаться могу сейчас:
Была до конца счастливой
Лишь с вами, лишь возле вас.
И может, совсем неплохо,
Что в век деловитый наш,
В космическую эпоху
Возможна такая «блажь»...
Но все-таки как жестоко
Смогли вы захлопнуть дверь!..

Ах, это звучит упреком —
К чему упрекать теперь?

* * *

Я забыла твои глаза,
Я забыла твои черты,
Только помню, как ты сказал
В дни, когда развели мосты:
«Все равно мы — одна река,
Нам прощаться не на века».

Может, так оно, может, нет,—
Ведь прошло с той поры сто лет...

* * *

Рукописи не горят...

М. Булгаков

Словно по воде круги от камня,
По земле расходятся слова,
На бумагу брошенные нами
В час любви, печали, торжества.

Те слова порой врачуют раны,
Те слова бичуют и корят.
И еще — как это и ни странно —
Рукописи, правда, не горят.

Потому-то сквозь огонь угрюмый,
Всем святошам и ханжам назло,
Яростное слово Аввакума
К правнукам из тьмы веков дошло.

* * *

Стихи умирают, как люди,—
Кто знает, когда череда?
Когда тебя Время осудит
Навеки уйти в Никуда?

Стихи умирают, и точка —
Ты был, и тебя уже нет...
Но если о с т а л а с ь
Хоть строчка,
Тогда ты бессмертен, поэт!

* * *

И кем бы ни были на свете,
И что бы ни свершили мы,
Все кончится строкой в газете
И рамкой траурной каймы.

Но не лишает нас покоя
Сознание, что недолог путь...
О легкомыслие людское,
Навек благословенным будь!

* * *

Запорола сердце, как мотор —
В нем все чаще, чаще перебои...
До каких же, в самом деле, пор
Брать мне каждый сантиметр с бою?..

Ничего! Кто выжил на войне,
Тот уже не сдастся на «гражданке»!

С нестерпимым грохотом по мне
Проползают годы, словно танки...

СТУДЕНЧЕСТВУ ШЕСТИДЕСЯТЫХ

Где вы,
Острые споры, стычки,
Незабвенные вечера,
Что бурлили в Политехничке —
Все мне кажется —
Лишь вчера?..

Кончив вузы,
Солидной ставши
И, конечно,
Мудрей вдвойне,
Неподкупные судьи наши
Поразъехались по стране.

Занялись настоящим делом,
Стал размерен
Их жизни пульс.
Дестиклассница
В платье белом
Над стихами
Вздыхает пусть!

Ах, выходят стихи
Из моды!
Нынче проза —
Желанней гость...

Вам, ребята,
В другие годы
Быть студентами
Довелось.

Вы совсем ли
Забыли стычки,
Те бойцовские вечера,
Что бурлили в Политехничке —
Все мне кажется —
Лишь вчера?..

«ГОЛ!»

Весь день давил тяжелый зной,
Мигрень раскалывала череп.
А после дождь упал стеной,
Неся покой и облегченье.
Сквозь отступающую боль
Я вдруг увидела внезапно,
Как день сияет голубой,
И трав почувствовала запах.
Как в детстве, поднесла к губам
Молочным соком полный колос.
А рядом, в лагере, труба
Несмело пробовала голос.
Там мальчик, к небу вскинув горн,
Застыл, как будто изваянье...
Но кто-то дико гаркнул:
— Гол! —
И кончилось очарованье.
В экстаз футбольный погружен,
Глушил транзистором деревню
С квадратной челюстью пижон —
Еще из тех, кто в Риме древнем
Про хлеб и зрелища вопил,
А про Овидия не ведал.
Он нынче снова полон сил,
Он — бездуховности победа.
...Так этот летний день прошел,
Обычный и неповторимый.

И долго доносилось:
— Гол! —
Из тьмы веков,
С ристалищ Рима.

* * *

Он проигран, он проигран,
Этот бой,
Хоть мы оба
Победители с тобой.
Словно знамя неприятельское,
В грязь
Затоптали мы
Любовь свою,
Смеясь.
Затоптали
И понурые стоим,
Жжет глаза
Воспоминаний горький дым...

ВЕСНА

Над полями, над лесами
Птичий гомон, детский смех.
Быстро мелкими зубами
Пилит белочка орех.

Барабанной дробью дятел
Привечает громко нас.
О заботах, об утрате
Позабудем хоть на час.

Все печали позабудем
В ликовании весны.
Мы ведь люди, мы ведь люди —
Мы для счастья рождены!

ОПУСТЕВШЕЕ СЕЛО

Разбрелся в города народ,
В селе ни огонька, ни звука.
Лишь бабка сгорбленная ждет
Рванувшего в столицу внука.
И говорит с собой сама,
Скобля подмерзшую картошку:
— Однако, на носу зима,
Поторопился ты бы, Прошка!..

Он не придет, он не придет,
С цивилизацией он сжился —
Твой, с бычьей шеей, обормот,
Весь в лохмах, батниках и джинсах.

Ах, понимает все сама,
Но, черные скобля картошки,
Бормочет:
— На носу зима,
Поторопился ты бы трошки...

ВЫХОДНОЙ

Кормить синичек
Прихожу опять
В старинный парк,
Что над Москвой-рекой.
Не думала,
Что буду здесь стоять
Когда-нибудь
С протянутой рукой!

А вот стою
И, может быть
(Как знать!),
В такой позиции
Убью полдня,
Пока пичуга
Соизволит взять
С ладони подаянье
У меня.

* * *

Жизнь под откос
Уходит неуклонно,
И смерть
Своей рукою ледяной
Опять вычеркивает телефоны
Товарищей из книжки записной.

Мне никуда
От этого не деться,
И утешенье ль, право,
Что она,
Что смерть
Не может вычеркнуть
Из сердца
Ушедших дорогие имена?..

* * *

И все-таки —
Зачем
Мы ходим в горы?..
Кому неясно —
Тем не объяснишь...
Ночь звездный тент
Над нами распростерла,
Под этим тентом
Неземная тишь.

А я —
Я женщина вполне земная.
Люблю свой труд,
Застолье, суету...
Но каждому необходимо,
Знаю,
Подняться иногда
На высоту...

БАБЬЕ ЛЕТО

Видала я всякие виды,
Порой выбивалась из сил.
Но нету ни капли обиды
На тех, кто меня не любил.

Обиды растаяли глыбы
В сиянье осеннего дня.
Лишь хочется крикнуть:
— Спасибо! —
Всем тем,
Что учили меня.

Учили, кто лаской,
Кто таской,
Кто дружбой,
А кто и враждой...

Сентябрь мой огненный,
Здравствуй! —
Своей все идет чередой.

**ПОД СВОДАМИ
ДУШИ ТВОЕЙ ВЫСОКОЙ...**

Памяти Сергея Орлова

* * *

Я в этот храм
Вступила ненароком,
Мне попросту
В дороге повезло.
Под сводами
Души твоей высокой
Торжественно мне было
И светло.

Сквозь суету,
Сквозь горести,
Сквозь годы —
Твой опаленный,
Твой прекрасный лик...
Но нерушимые
Качнулись своды
И рухнули
В один ничтожный миг...

* * *

Ты умер, как жил —
На бегу, на лету,

С портфелем в руке,
С сигаретой во рту.
Наверно, в последнем
Секундном аду
Увидел себя
В сорок третьем году —
В пылающем танке,
В ревущем огне —
И, падая, понял:
Убит на войне.

* * *

Кто-то тихо шептал твое имя,
Кто-то выдохнул:
«Значит, судьба...»
Холод лба
Под губами моими,
Смертный холод
Высокого лба.

Я не верю
Ни в черта, ни в бога,
Но о чуде молилась
В тот час...
Что ж ты сделал,
Сереза, Серега,—
Самый смелый и добрый
Из нас?

Как ты дал себя
Смерти осилить,
До зимы далеко не дойдя?..

Провожала солдата Россия
Ледяными слезами дождя.

Осень шла в наступление люто —
Вот-вот бросит
На кладбище снег...
От прощального грома
Салюта
Лишь не вздрогнул
Один человек...

★ ★ ★

Нет,
Я никак поверить не могу,
Что ты на том —
Нездешнем берегу,
Куда слова мои
Не долетят,
И даже матери молящий взгляд,
И даже вскрик отчаянной жены
Теперь к тебе
Пробиться не вольны.

А я все так же,
Так же,
Видит бог,
Хватаю трубку,
Услыхав звонок,—
Как будто бы
Из черной пустоты
Вдруг позвонить на Землю
Можешь ты...

* * *
Плечи гор
Плотно-плотно туман закутал.
Здесь бродил ты
Лишь год назад...
Хорошо, что тебя
Провожали салютом,—
Ты был прежде всего
Солдат.

Море хмуро,
Вода отликает сталью,
Тих рассеянный странный свет...
Хорошо, что над гробом
Стихи читали,—
Ты был прежде всего
Поэт.

Ах, как Времени
Быстро мелькают спицы,
Как безжалостно
Мчится век!..
Хорошо, что так много
Пришло проститься,—
Ты был прежде всего
Человек.

* * *

Что же делать?
Чем дальше, тем горше.
Я смириться с бедой
Не могу,

Ты —
Внезапную судорогой
В горле,
Ты —
Сверлящею болью
В мозгу.

Ночь.
Костер нашей дружбы
Потушен.
Я одна в темном лесе
Опять.
Для того лишь
Нашла твою душу,
Чтоб навеки
Ее потерять...

Без костра
В темном лесе
Мне страшно,
Вот-вот хлынет
Лавина огня —
Словно танка враждебного
Башня,
Притаившись,
Глядит на меня...

* * *

На Вологодчине
Есть улицы Орлова,
Со стапелей
Там сходит теплоход
«Сергей Орлов».

Звучит поэта слово...
Вот только в дверь мне
Он не звякнет снова
И, пряча в бороду улыбку,
Не войдет.

Уже не станем с ним
До света спорить,
Читать стихи,
Глушить (не только!) чай.

Один лишь раз
Друзьям принес он горе —
Убил своим уходом
Невзначай.

• • •

Загрустив однажды почему-то,
«Есть ли дружба?» —
Ты меня спросил.
Эх, Сергей!
Когда б хоть на минуту
Выходили люди
Из могил!

Ты забыл бы
О любой обиде,
Ты б ничьей
Не вспоминал вины,
Потому что с нежностью б увидел,
Как тебе
Товарищи верны.

* * *

Снова жизнь —
Снова цепь атак.
Пред тобою в долгу
Навсегда,
Я верна нашей дружбе
Так,
Как орбите своей
Звезда.
По тебе
Свой сверяю шаг
И любую свою строку.
Ты мне нужен,
Как нужен стяг,
Чтоб остаться полком
Полку.

* * *

Догоняет Война
Тех, кто мне
Всех дороже.
И напрасно я другу кричу:
— Борись!..—
С пулей в сердце
На землю упал Сережа,
И с тяжелым раненьем
Лежит Борис.

Поколение уходит опять.
Рановато...
Обрывается вновь
За струною струна...

Что поделаешь, если
Только отпуск солдатам,
Только длительный отпуск
Дала Война?..

* * *

Промчусь по жизни не кометой,
Погасну искрой от костра —
Одной из многих, невоспетой,
Таких же искорок сестра.

Ну что ж: у искр и у комет
Один конец, другого нет...

* * *

Я сегодня (зачем и сама не пойму)
Улыбнулась рассеянно злому врагу.
А товарищу мелочь не в силах простить...
Обрывается здесь всякой логики нить.
Да, бесспорно, есть в логике нашей изъясн:
Что прощаем врагам, не прощаем друзьям.

* * *

В неразберихе маршей и атак
Была своя закономерность все же:
Вот это — друг,
А это — смертный враг,
И враг в бою
Быть должен уничтожен.
А в четкости спокойных мирных дней,
Ей-богу же, все во сто раз сложнее:
У подлости бесшумные шаги,
Друзьями маскируются враги...

ДВА ДЯТЛА

Дятел был красив, как дьявол,—
Черный с красным, красный с белым.
Мне морзянкой отстучал он:
— Знаешь, лето пролетело!

Да, к утру на лужах льдинки,
Умные за морем птицы...
Но стучу я на машинке:
— Знаешь, лето возвратится!

Осень встала у порога,
Смотрит, смотрит взглядом мгlistым,
Слушая дробь диалога
Пессимиста с оптимистом.

ДЕНЬ КАК ДЕНЬ

Мечусь меж сковородкой и работой,
К тому же телефон сошел с ума.
На кухне явно подгорает что-то,
А главное, горю, горю сама:
Меня в тиски железные берет
Модерное чудовище — цейтнот.
А тут еще, не ведая сомнений,
Что он-то всех нужней мне в этот миг,
Какой-то недооцененный гений
Нежданно с кипюю стихов возник.
Мне на мгновенье просто дурно стало...
И вот уже грохочет рифм обвал.
Когда ж я к милосердию взывала,
Мой гений только яростней взывал.
Он в чтение это вкладывал всю душу,
До слез собой, любимым, упоен.
Ох, если было бы хоть что послушать,
Когда бы не был так бездарен он!..

Ушел, надувшись... И какое дело
Ему до мини-горестей моих?
Подумаешь! — полкурицы сгорело,
Да умер, так и не родившись, стих.

ПОТРЯСЕНИЕ

Один писатель так был потрясен,
Что, речь держа во время похорон,
На нервной почве, вместо слов о друге,
Вдруг стал перечислять... свои заслуги.

МЕТР

**Кропал стишки — увы, напрасный труд!
Создал роман — не преуспел опять!
И «сослан» был за то в... литинститут,
Чтоб мастерству там юных обучать.**

ГРАЖДАНСКАЯ СМЕЛОСТЬ

Я рубану сплеча, хоть знаю, шеф,
Что на меня обрушится ваш гнев.
Простите, шеф, но никаких сомнений,
Что вы всего лишь... настоящий гений!

СЧАСТЛИВЫЙ ОТЕЦ

— И долго будешь дочку ты тянуть?
Ведь на тебя смотреть, ей-богу, жалость!
— Теперь-то что, теперь уж как-нибудь:
До пенсии два года ей осталось!

СТРАШНАЯ УГРОЗА

Ушел супруг от старой к молодой.
Не самый факт сочла жена бедой —
Беда лишь в том, что эта молодлица
Вернуть «приобретенье» ей грозитя!

НЕПОНЯТОЙ

**Я абсолютно несогласна с теми,
Что вас, мадам, «бездельницей» зовут,—
Ведь вы собою заняты все время,
Ну а у нас любой почетен труд!**

ПОЧЕМУ!

**Неблагодарность — старая игра,
Злом за добро платили мне нередко.
Но почему так злобствует соседка?
Я вроде ей не делала добра...**

ШИРОТА ДУШИ

Он щедрым был, как настоящий бог,—
Своей любимой (до чего везучая!)
Он подарить все мирозданье мог
Или хотя бы Солнце в худшем случае.
Но, в бога этого по уши влюблена,
В кафе платила за него она...

УТЕШЕНИЕ

(По Омару Хайяму)

Степан — известный футболист?

Забудь!

Иван — известный пианист?

Забудь!

Ведь Сашка — неудачник!

Радость эта

Пускай тебя утешит как-нибудь...

ЗАКОН ЖИЗНИ

**У каждого есть свое место в мире,
Расчислен наш путь заранее —
Льву не следует жить в квартире,
Декоративному псу в саванне.
А если этот закон нарушен,
Без катастрофы не обойтись —
Вопли «Спасите наши души!»
Слышит все время жизнь...**

СОДЕРЖАНИЕ

«Снег намокший сбрасывают с крыши...»	5
«Да, я из того поколенья...»	6
В 1941 году	7
«Я порою себя ощущаю связной...»	8
«И каждый раз, в бреду аэропорта...»	9
«А жизнь летит, летит напропалую...»	10
из ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ТЕТРАДИ	
«Вновь чайки провожают сейнера...»	11
Поселок Смирных	12
Нерест	13
Осень	15
Парамушир	17
Урал	18
Белые ночи	20
Степной Крым	21
«На улице Десантников живу...»	22
Пустые пляжи	23
В Карабихе у Некрасова	24
В Королевстве датском	25
Флорентийский май	27

Потрясение	89
Метр	90
Гражданская смелость	91
Счастливый отец	92
Страшная угроза	93
Непонятой	94
Почему?	95
Широта души	96
Утешение	97
Закон жизни	98

Юлия Владимировна Друнина

БАБЬЕ ЛЕТО

М., «Советский писатель», 1980, 104 стр.
План выпуска 1980 г. № 164

Редактор В. К. Семaкин
Худож. редактор В. В. Медведев
Техн. редактор Е. П. Румянцевa
Корректор Б. Ш. Котт

ИБ № 2090

Сдано в набор 25.07.79, Подписано к печати 22.10.79, А 14255. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип, № 1. Журнальная рубленая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 4,55. Уч.-изд. л. 2,83. Тираж 25 000 экз, Заказ № 675. Цена 35 коп. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109.

35 коп.

